

*Зарубежный
романтический
бестселлер*

Ч и т а й т е в с е р и и

САРА ДЖИО

*Ежевичная зима
Фиалки в марте
Соленый ветер
Последняя камелия
Утреннее сияние
Лунная тропа
Тихие слова любви
Среди тысячи лиц
Назад к тебе*

КАРЕН УАЙТ

*Рапсодия ветреного острова
Танцующая на гребне волны
Между прошлым и будущим
Одна среди туманов
Колыбельная звезд
Музыка ветра
Траектория полета
Особняк на Трэдд-стрит
Когда я падаю во сне*

КАРЕН УАЙТ

Когда я падаю во сне

МОСКВА
2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
У13

Karen White
DREAMS OF FALLING

Copyright © Karen White, 2018
This edition published by arrangement with Writer's House LLC
and Synopsis Literary Agency

Иллюстрация на обложке: © Vizerskaya / Gettyimages.ru

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского Юлии Хохловой

Художественное оформление Сергея Власова

Уайт, Карен.

У13 Когда я падаю во сне / Карен Уайт ; [перевод с английского Ю. Хохловой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 448 с.
ISBN 978-5-04-103177-0

1951 год

На берегу реки стоит покрытый мхом дуб, Древо Желаний, что издавна хранит чужие секреты. По легенде, если написать свое сокровенное желание на ленте и положить ее в дупло, то оно сбудется.

Три подруги — Маргарет, Битти и Сисси — решают испытать судьбу. Они загадывают желания, которые действительно начинают сбываться. Но совсем не так, как бы им хотелось.

Наши дни

Ларкин возвращается в необитаемый, полуразрушенный после пожара дом, где она когда-то жила со своей матерью Айви и с Сисси, которая их обеих вырастила. Пытаясь понять, из-за чего начался пожар в доме, Ларкин окунается в тайны далекого прошлого, и это заставляет ее переосмыслить собственную жизнь и отношение к любимым.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Хохлова Ю., перевод на русский язык,
2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-103177-0

Посвящается Клэр

*Caol Ait (по-гэльски «тонкое место»):
места, где, по поверьям, пролегает трещина между
мирами.*

*Если верить легенде, землю от небес отделяет
всего три фута, а в тонких местах и того меньше.
Карроумор, что в графстве Слайго, Ирландия, — од-
но из многочисленных тонких мест, разбросанных по
всему свету. Время там не движется, и наш бренный
мир тесно соприкасается с загробным.*

Один

АЙВИ

2010

Джорджтаун, Южная Каролина

Кажется, я умерла, но все равно чувствую аромат вечерней примулы. До меня доносится трескотня ласточек, парящих в кроваво-красном закатном небе над почерневшими коринфскими колоннами и полуразрушенными дымовыми трубами Карроумора. *Этот дом назван в честь легендарного ирландского «тонкого места».* Я слышу голос Сисси: она объясняет, что означает это название и почему мне следует держаться отсюда подальше, но, как всегда, я ее не слушаю.

Мы с Карроумором — старые развалины: фасад растрескался, фундамент подточен. По иронии судьбы мне суждено умереть именно в этом доме. В детстве я едва здесь не погибла. Похоже, Карроумор все эти годы ждал второго шанса.

Вдалеке слышится рокот мотора — это «Мустанг» Эллиса шестьдесят шестого года выпуска. Если бы я могла двигаться, то выбежала бы ему навстречу, пока Эллис не нажал на гудок. Папа терпеть не может Эллиса, его длинные волосы и этот автомобиль.

Но мне не шевельнуться. Единственное, что я помню, — у меня под ногой провалилась половица, слышался треск прогнившего дерева, и вот я лежу здесь, разбитая вдребезги.

Разум напоминает мне, что Эллис умер сорок лет назад, а свою драгоценную машину продал в шесть-

десять девятом году, перед тем как отправиться в форт Гордон¹. На меня волной накатывает едкий запах выхлопа. Может, Эллис все-таки жив? Наконец-то он приехал за мной.

В кулаке у меня что-то мягкое и шелковистое. Видимо, в момент падения я судорожно сжала пальцы.

Лента для волос. Я взяла ее из комода у Ларкин. Ларкин, моя милая девочка... Она так стремилась походить на меня, а я, наоборот, боялась, что она станет такой, как я. Мне хотелось, чтобы моя дочь была счастлива. Ларкин уже не ребенок и давно выросла из ленточек для волос, но я сохранила ее комнату в неприкосновенности, надеясь, что однажды она вернется домой, когда найдет силы простить всех нас и саму себя.

Я помню, как черным фломастером выводила на ленте жирные буквы, выплескивая свою злость. Но это мое единственное ясное воспоминание. Я больше не чувствую злости и не помню ее причину. Помню только, как писала на ленте, а потом упала. Память играет со мной злую шутку — я в мельчайших подробностях вижу события сорокалетней давности, а то, что произошло всего полчаса назад, словно заперто в темном шкафу.

В голове раздаются громкие хлопки, перед глазами мелькают вспышки света, похожие на падающие звезды. Наверное, это ласточки прошлого, поселившиеся в моих воспоминаниях. Наконец приходит боль, раскаленная и четкая: она зарождается в основании черепа, поднимается и огромной рукой медленно сдавливает мозг.

---

¹ Форт Гордон — военная база в штате Джорджия, США. В период с 1950 по 1980 г. использовалась как тренировочный лагерь для новобранцев. (*Здесь и далее примечания перев.*)

Темнота накрывает меня, словно маска. Все вокруг погружается во мрак. Остается лишь запах выхлопных газов старой машины да пронзительный щебет ласточек, вернувшихся домой, чтобы свить гнезда.

Два

ЛАРКИН

2010

Услышав вступительные аккорды старой песни, я оторвалась от компьютера и удовлетворенно огляделась. Люблю свой рабочий стол. Дело не в красоте или необычном дизайне — в нем нет ни того ни другого: просто мне по душе его обыденная функциональность.

Мой стол ничем не отличается от столов прочих копирайтеров из «Вокс и Крэндалл» — рекламного агентства, где я работаю уже пять лет, — за исключением одного: на нем нет личных вещей. Ни фоторамок, ни безвкусных безделушек, ни шариков из канцелярских резинок. На стенках, огораживающих мое рабочее место, — ни бумажки, ни фотографии, ничего, что напоминало бы о четырех годах, проведенных в Фордхэме¹. Единственная моя связь с прошлым — золотая цепочка с тремя подвесками; я ношу ее под одеждой, не снимая, и никому не показываю.

Никто не спрашивает, почему на моем столе так пусто, и слава богу. В Нью-Йорке никому не интересно, откуда ты пришел; здесь интересуются лишь тем, куда ты стремишься. Все принимают как данность, что

---

¹ Фордхэмский университет, или Фордхэм — частный католический университет, расположенный в Нью-Йорке, США.

у меня нет ни мужа, ни возлюбленного, ни детей, ни братьев или сестер. И это правда. Люди, с которыми я работаю, знают, что я родом откуда-то с юга, и то лишь из-за говора — я изредка растягиваю гласные или пропускаю слоги. Я никому не рассказывала, что родилась и выросла в Джорджтауне, Южная Каролина, а если закрою глаза, то ощущаю запах соленых болот и рек, окружающих мой город. Должно быть, мои коллеги думают, что я ненавижу свою малую родину и потому сбежала оттуда. Они ошибаются.

Чтобы покинуть отчий дом, есть и другие причины, помимо ненависти.

— Тук-тук.

У входа в мою кабинку топталась Джозефина — не «Джо», не «Джози», а именно «Джозефина». Из-за отсутствия дверей приходится выдумывать разнообразные способы, чтобы попросить разрешения войти. Джозефина — одна из наших секретарей; если с ней ладить, она вполне милая, но если кто ей не понравится, тому лучше держаться от нее подальше.

— Ты занята? — спросила она.

В этот момент я стучала по клавиатуре, так что ответ на вопрос был очевиден, однако Джозефина не склонна замечать подобные мелочи. Она из тех женщин, которые привлекают всеобщее внимание одним своим видом — изящная фигурка, блестящие каштановые волосы и неизменный загар, — поэтому считает, что для получения желаемого достаточно просто улыбнуться.

Я слушала музыку на «Пандоре»¹. Не могу отвлечься от песни, пока не вспомню ее название: старая привычка, от которой никак не избавиться. «Мечтай», группа «Аэросмит». Я удовлетворенно улыбнулась.

---

¹ «Пандора» (Pandora) — популярная в США служба потокового воспроизведения музыки в интернете.

КОГДА Я ПАДАЮ ВО СНЕ

— Что-что? — переспросила Джозефина. Кажется, я произнесла это вслух.

— Вообще-то... — начала я, но осеклась.

Неясное беспокойство, преследовавшее меня с самого утра, переросло в дурное предчувствие.

«Кто-то прошелся по твоей могиле», — сказала бы Сисси. Это из-за сна, который снился мне ночью: я падала в черную бездну, каждый миг ожидая удара о землю.

Не замечая моей напряженности, Джозефина подошла ближе.

— Может, растолкуешь сон, который я видела прошлой ночью? Я куда-то бежала, но ноги будто увязли в смоле.

Я положила руки на стол, не поворачиваясь в кресле, надеясь, что Джозефина поймет намек.

— Просто погугли. В интернете много всего написано про сны. — Я снова занесла пальцы над клавиатурой.

— Да, знаю, но проще спросить тебя. Ты ведь у нас эксперт по снам. — И она лучезарно улыбнулась.

Пришлось со вздохом повернуться. Никакой я не эксперт, просто много читала на эту тему. Долгие годы я пыталась анализировать сны моей матери в попытке узнать ее получше. Наивно надеялась разобраться, что творится у нее в голове. Мне казалось, это поможет понять причины ее печали и тревоги, и с моей помощью мама наконец обретет душевный покой. У меня ничего не вышло, зато я живо заинтересовалась снами — окнами в подсознание. Теперь, если вдруг случайно попадаю на вечеринку, мне есть о чем поговорить, когда заканчиваются темы для разговора.

— У твоего сна миллион разных толкований. Например, ты не можешь достигнуть цели в карьере или в личной жизни, будто что-то тебя удерживает.

Джозефина смотрела на меня, недоуменно моргая, — то ли до нее не дошел смысл моих слов, то ли ей не под силу представить, что на ее пути к цели могут возникнуть препятствия.

— Спасибо, — наконец произнесла она, вновь безмятежно улыбаясь; все ее сомнения быстро рассеялись. — Ты едешь с девочками из отдела продаж в Хэмптонс¹ на выходные?

Я отрицательно покачала головой. *Скорей бы уже вернуться к работе.* Каждый день в пять тридцать у меня тренировка в спортзале, значит, нужно уйти из офиса ровно в пять. Я привыкла держаться в форме, так что не могу себе позволить тусоваться после работы. Нет, я ничего не имею против коллег — они веселые, молодые и креативные, и даже тридцатилетние ведут себя совсем не как тридцатилетние. Просто предпочитаю общаться с ними в офисе, чтобы можно было ретироваться на рабочее место, если вдруг кто-то вздумает задавать вопросы помимо «в каком районе ты живешь?» и «как тебе проще добираться до работы — на метро или на такси?».

— Нет, — ответила я. — На выходных останусь в городе. — Что за люди? Жалуются на перенаселенность и тем не менее едут в одно и то же время на одни и те же пляжи, чтобы влиться в ту же самую толпу, от которой пытаются сбежать. — Все равно вода еще ледяная, апрель на дворе.

Джозефина сморщила носик; больше ни один мускул на ее лице не дрогнул. Она говорила, что использует ботокс лишь в качестве превентивной меры, но, судя по ее виду, скоро она станет совсем как женщи-

---

¹ Хэмптонс — группа деревень и поселков вокруг городов Саутгемптон и Ист-Хэмптон, на Лонг-Айленде, штат Нью-Йорк. Там находится фешенебельный морской курорт и популярное место для летнего отдыха.

ны-горгульи, бродящие по бутикам на Пятой авеню. Как сказала бы Сисси, это просто неестественно.

— Не холоднее, чем обычно, — заявила она. — Давай с нами, будет весело. Мы сняли огромный дом в Монтоке. В моей комнате две большие кровати, если ты не против жить со мной. Истолкуешь всем сны.

Искушение было велико. Я никогда не тусовалась в компании и не водила дружбу с девушками, арендующими дома на курортах. В начальной школе у меня были подружки, но к средней школе все они разбились на группки, ни в одну из которых я не попала. Правда, я всегда дружила с Мейбри и ее братом-близнецом Беннеттом. Наши мамы были лучшими подругами, нас в младенчестве даже купали в одной ванночке. С тех пор мы все делали вместе — до выпускного класса, когда наша дружба приказала долго жить.

Воспоминания помогли мне побороть соблазн.

— Спасибо за приглашение, но я, пожалуй, останусь дома. Надо переставить мебель. Давно уже собираюсь.

Джозефина удивленно взмахнула ресницами.

— Ладно. Наверное, это к лучшему. Не хочу оказаться с тобой рядом, когда ты наденешь бикини.

— К твоему сведению, я не ношу бикини. — Мне как-то ближе футболка и шорты. — Но все равно спасибо. Может, в следующий раз.

На столе зажужжал мобильник. Для этого номера нет ни картинки, ни имени — я помню его наизусть. Я не шевельнулась, чтобы ответить на звонок.

— Не будешь брать трубку? — осведомилась Джозефина.

Ей даже не пришлось в голову уйти и дать мне поговорить в уединении. Я сбросила звонок.

— Нет. Потом ему перезвоню.

— Ему?

— Это мой отец.

Я принципиально не отвечала, сколько бы он ни пытался дозвониться. Когда я только приехала в Нью-Йорк, он часто звонил; где-то через год количество звонков сократилось до одного в неделю. Папа набирал мой номер в разные дни и разное время суток, словно хотел застать врасплох. Он не сдавался. Я тоже, ведь фамильное упрямство Ланье у меня от него.

— Значит, у тебя есть отец, — выжидательно произнесла Джозефина.

— А у кого его нет?

Телефон снова зажужжал. Я хотела положить мобильник в ящик стола, но на экране высветился другой номер — тоже знакомый, однако его обладательница никогда не звонит в рабочее время. Это Сисси — женщина, вырастившая мою мать; мне она как бабушка. Сисси с благоговением относится к тому, что я работаю в Нью-Йорке, поэтому не решается оторвать меня от дел. Не иначе что-то стряслось.

— Извини, — сказала я Джозефине. — На этот звонок я должна ответить.

— Ладно, только имей в виду: если твое мертвое тело найдут в мусорном баке где-нибудь на окраине Квинсленда, мы не будем знать, кому сообщить.

Пропустив слова Джозефины мимо ушей, я повернулась к ней спиной.

— Сисси, — сказала я в трубку. — Что случилось? У тебя все в порядке?

— Нет, золотце, боюсь, что нет. — Голос у нее хриплый, как будто простуженный. — Твоя мама...

— Что с ней?

Айви Ланье всегда была непредсказуемой, и я уже привыкла к ее чудачествам, но слова Сисси даже меня выбили из колеи.

— Она пропала. Ее никто не видел со вчерашнего утра. Твой папа вечером вернулся с работы, а дома

ни мамы, ни машины. Мы обзвонили всех ее подруг... Никто ничего о ней не знает.

— Ее нет со вчерашнего утра? Вы вызвали полицию?

— Да, сразу же, как только поняли, что она исчезла. Шериф составил рапорт и отправил людей на поиски.

Мой разум переполнился и тут же опустел, как болото при отливе. Цепляясь за жалкие остатки слов, оказавшиеся в моем распоряжении, я наконец сформулировала вопрос:

— Где она была вчера утром?

Молчание.

— У меня. Айви приходит сюда каждый день — уже целый месяц реставрирует старый стол ее отца в гараже. Она заходила в дом; на кухне полный кавардак. Все, что лежало в ящиках, валяется на полу. Похоже, она что-то искала.

— Ты догадываешься, что именно? — Меня удивили панические нотки в моем голосе.

Сисси задумалась.

— Может, ей понадобились чистые тряпки для работы. У меня в кладовке их целый мешок. Правда, сейчас он пустой. Наверное, она забыла, что все извела.

— Но ведь мама искала в ящиках и буфетах.

— Да, верно. Я увидела — машины нет, и решила, что Айви просто уехала в хозяйственный магазин, но полиция проверила — она там не появлялась. Мы с твоим папой с ума сходим от беспокойства.

Я закрыла глаза, предугадав ее следующие слова.

— Возвращайся домой, Ларкин. Не хочу быть одна. Мне страшно... — Голос Сисси пресекся.

— Ты же знаешь, мама любит сорваться с места и куда-нибудь уехать. Ты сама прозвала ее одуванчиком, помнишь? Она не в первый раз уезжает, никому ничего не сказав.